

Тихоненко Марина Алексеевна

преподаватель

Ставропольский филиал

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»

г. Ставрополь, Ставропольский край

DOI 10.21661/r-113051

РЕАЛЬНОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация: в статье рассматриваются основные подходы к пониманию реальности как философской категории. Рассмотрены особенности знаний о реальности с точки зрения эволюции научных представлений. Затронут вопрос понимания социальной реальности, так как классический социально-философский подход к социальной реальности имел истоки еще в античной социально-философской мысли.

Ключевые слова: реальность, действительность, социальная реальность, Кант, Фихте, Карл Маркс.

Историко-философское наследство по вопросу реальности позволяет сделать вывод о том, что ее исследование и анализ проходили в направлении исследования от непосредственно эмпирической детерминации вещей к осознанию того, что реальность может и не обладать этой самой «вещностью» определенности. Ранние философские суждения о реализме находятся в работах античных и средневековых философов (Платон, Аристотель, Августин, Иоанн Скот Эриуген, Гильом из Шампо, Ансельм Кентерберийский, Аделард Батский, Альберт великий, Фома Аквинский, Суарес и др.), в которых «реализм – один из основных наряду с номинализмом и концептуализмом вариантов решения спора об универсалиях, выясняющего онтологический статус общих понятий, т.е. вопрос об их реальном (объективном) существовании. В отличие от номинализма, для которого реальна лишь единичная вещь, а универсалия – основанное на реальном сходстве предметов понятие, реализм считает, что универсалии существуют реально и независимо от сознания (*universalia sunt realia*)» [5, с. 570].

Именно в период средневековья был сделан особый вклад в определение категории «реальность». Понятие «реальности» было введено в то время, когда в следствии изучения вопроса степеней бытия в схоластической философии XIII века категорию «реальность» начали относить к вещам, обладающим «значительной степенью» бытия. В эту эпоху «социальная реальность» еще не получила обособленный статус, хотя в исследованиях именно этого историко-философского периода намечаются некоторые предпосылки выделения понятия социальной реальности, так как возникает граница между Божественной и земной реальностями.

Труды средневековых и античных мыслителей имели значительное воздействие на последующий ход определения категории «реальность», а именно на философские представления о реальности. Процесс постепенного и непрерывного изучения и анализа реальности происходил под воздействием модификаций конкретно-исторических условий и на данной стадии формирования философской мысли именно субстанциальный подход к определению этого понятия имел место. Допускалась возможность того, что наибольшую реальность имеют субстанции (Спиноза и Декарт), монады Г. Лейбница, первичные качества вещей (Дж. Локк). В работах мыслителей Нового времени встречались некоторые аспекты темы социальной реальности, но анализировалось данное понятие лишь с точки зрения государства и политически.

В исследованиях Канта, Гегеля, Фихте социальная реальность также еще не вычленяется как отдельная категория, но в их работах можно найти существенный методологический материал для изучения данного социального феномена.

Немаловажное значение в развитии представлений о реальности имели исследования, проведенные И. Кантом, в результате которых суть реализма стала заключаться в представлении о том, что мы воспринимаем предметы, существование и природа которых никаким образом не зависит от нашего сознания. В трудах И. Канта «реальность» имеет два смысла: первый заключается в противопоставлении «реальность – отрицание» и принимается как чистая категория рас-

судка, определяющая бытие (предмета опыта) во времени, второй – осуществляется через противопоставление «реальное – идеальное» и приравнивается к объективной реальности. В основе рассуждений И. Канта о реальности лежит такое свойство реальности, как переходность на соответствующие формы чувственности или категории рассудка. Реальность как бы показывает материю ощущения, но при обосновании реальности рассудочных категорий и форм она становится характеристикой этих категорий и форм. В этом случае сама категория рассматривается как «овеществленное» свойство или отношение. Механизм такой переходности имеет свои пределы, которые обусловливаются оппозициями «реальное- идеальное», «реальность – отрицание». Противопоставления «реальность – отрицание» рассматривается в плане «бытие – небытие» во времени. Оппозиция «реальное – идеальное» в плане противопоставления того, что находится в границах возможного опыта, тому, что лежит за пределами этих границ. Обоснование реальности любого объекта познания, возможно только в пределах вероятного опыта, за пределами этих границ оно не имеет смысла. Понятие «реальность» служит исходным положением для взаимодействия категорий рассудка с материей ощущения. Модель такого синтеза априори лежит в основании формирования синтетических суждений. Вопрос о том, как возможны синтетические суждения априори, является главным вопросом гносеологической концепции И. Канта. И. Кант провел важное разделение реальности на «эмпирическую реальность» явлений и категориальную как «трансцендентальную материю всех предметов» познания.

Достаточно существенным в осмыслении реальности был период восприятия реальности в единстве оппозиционных тенденций ее развития, субъективных оснований. Так, диалектический метод Гегеля анализируя связь идеи и реальности, обозначает проблему самой сути перехода от идеального (логического) к реальному, от абсолютной идеи к природе. Гегель основывался на убеждении, что философская наука не дедуцирует непосредственно формы природы и общества как таковые, а выводит заключения, опираясь на мысль о том, что определенные присущие историческим стадиям развития природы и общества мыслительные

отношения, к которым она затем подбирает подходящие наглядные представления из существующих явлений. Фихте же, у которого «Я» все еще сохраняет элементы живой человеческой души, представляет идеи, которыми оперирует философия, как «живой мыслью». «Иная и высшая, достигшая жизни в меньшем количестве личностей форма идеи, – излагает Фихте, – есть излияние первичной деятельности в общественные отношения человечества; это – источник мировых социальных идей; в жизни эта форма идеи является источником героизма и творческой причиной всякого права и порядка между людьми» [6, с. 417] Тем самым Фихте предпринял попытку расширения сферы правовой и философской практики, превратив философскую мысль в средство всеобъемлющих перемен в культуре и правовой жизни. В то время как Гегель признает тождественными действительность и разум и приравнивает действительность прямо к абсолютному, то Фихте только стремится к абсолютному как к абсолютному совершенству, и эта воля и стремление, по его мнению, является бесконечной задачей индивида и всей человеческой общности. Хотя «каждый в обществе стремится сделать другого более совершенным, по крайней мере по своим понятиям, поднять его до своего идеала», тем не менее эта потенция совершенства, как только достигает своего понятия, сразу же разлетается на части так как если бы «все люди могли стать совершенными, если бы они могли достигнуть своей высшей и последней цели, то они были бы совершенно равны между собой, они были бы чем-то единым, единственным субъектом» [6, с.28]. Таким образом, безоговорочное согласие со всеми индивидумами есть «хотя и последняя цель, но не назначение человека в обществе» [6, с.28]. Основная функция заключается в непрекращающемся приближении к этой цели, и только это приближение абсолютно. Следовательно, ни абсолютно идеальное состояние общества, ни идеальное положение, в котором находится индивид, ни его особое понимание идеала человека не могут быть той отправной точкой, отталкиваясь от которой, представляется возможным по-настоящему постигнуть человека, общество и человечество. Последние невозможно понять, находясь как на позиции Абсолюта, так и на позиции «Я», которое подразумевает обыкновенный язык. Наукоучение, полагает Фихте,

«подразумевает совсем иное «Я» [6, с. 642]. Значит, и общество по мнению философа надо помыслить как-то иначе, а именно обращаясь к его конечному «сверхчувственному основанию», которое, по всей видимости, должно быть вечно недостижимым и именно в поэтому обладать высокой степенью реальности. В своих ранних исследованиях Фихте размышляет о том, что общество является «взаимодействием по понятиям» [6, с. 24], тем самым, он подразумевает то, что во всяком образованном обществе каждый индивидуум в какой-либо форме соприкасается с идеями. Но быть затронутым идеями – это значит оказаться не изолированным от всего человеческого рода, а «повсюду благотворно влияя, поднять на высшую ступень культуры наш общий братский род – в молодых людях, работая над развитием которых, я, весьма вероятно, работаю над развитием еще не родившихся миллионов людей» [6, с. 19]. Фихте был прямо убежден в том, что социальная реальность должна отвечать интересам духовного, нравственного и правового развития индивидуума. Реальность превращается в безжизненную грезу, если отсутствует знание, духовная жизнь, которая, не нуждается ни в каком носителе, а как бы сама себя носит и сама себя движет [6, с. 628]. Согласно Фихте, духовная жизнь является прежде всего неким «светом», или любовью, она определяется в его работах как универсальная космическая сила или потенция, оберегающая все общество от разрушения. Фихте считает, что духовная и правовая жизнь берет свое начало не на этапе «чувственного знания», а именно там, где мир постигается как некоторый правовой закон. Духовная жизнь на этом не прекращает свое развитие; эта жизнь достигает ступени подлинной нравственности или идеи самой по себе во всей ее всесторонности и реальности.

Глубокий анализ общества, общественных отношений, и их возможных революционных изменений, представленные в трудах К. Маркса и Ф.Энгельса, очевидно позволил проанализировать социальную реальность с иной стороны. В работах этих деятелей принципы диалектического материализма относятся не только к изучению общества, но и особенно к пониманию принципа «бытие

определяет сознание» [4]. По истине новым в подходе К. Маркса к изучению социальной реальности явилось то, что он выявил в исторической деятельности людей то, что не зависит от их сознания. К. Маркс считает, что люди сами создают историю, но в этом процессе далеко не всё зависит от их сознания. Всегда есть условия, за границы которых не может выйти их деятельность, и которые сами устанавливают степень их общественного сознания и побуждений. Этот объективный компонент социального бытия, который является, с одной стороны, необходимым условием исторической деятельности и ее следствием, с другой стороны, не имеет зависимости от их сознания и подвергается анализу как нечто, оппозиционное историческому субъекту, как общественное бытие в отличие от общественного сознания. «На первый взгляд, исходный принцип материалистического понимания истории – общественное бытие определяет общественное сознание и в свою очередь оказывает обратное воздействие на бытие – предельно прост. Но значимость его для научного изучения социальной реальности равнозначна декартовскому *cogito ergo sum* (мыслю, следовательно, существую) как исходному принципу философии рационализма. Это только методологический принцип, и как принцип – абстрактен, всего лишь даёт руководящее направление исследованию. Но он позволяет ступенька за ступенькой подняться от абстрактного, одностороннего видения общества к всё более конкретному, многостороннему его рассмотрению» [3, с. 56]. Таким образом, согласно материалистической традиции утверждалось наличие объективной реальности, то есть материальной реальности и субъективной реальности, то есть духовной реальности, которая, как правило, приравнивалась к сознанию и его деятельности.

Проблема определения понятия реальности приобрела различные интерпретации в философии Новейшего времени. Так, например, у Л. Витгенштейна, Дж Остина и других сторонников лингвистического позитивизма понятию «реальность» приписываются цепочка некоторых смыслов («обычный», «естественный», «живой») [2]. Л. Витгенштейн описывает мир «Я» и говорит о том, что пределы нашего языка обусловливают границы нашего мира, нашей реальности.

Л. Витгенштейн – предпринимает попытку найти связь между реальностью и логикой путем достижения абсолютной прозрачности и однозначности языка. По Л. Витгенштейну, реальный мир является совокупностью вещей и явлений, которую не поддается точному описанию.

Таким образом, реальность – это философская категория, которая указывает на такое свойство предметов как их реальное существование, воспринимаемое человеком. Чем глубже человек познает мир, тем легче ему осмыслить сложность реального мира. Усложняется не реальность, а наше знание о ней. Реальность не является однородной, она включает в себя определенные состояния, которые становятся актуальными в соответствующих им обстоятельствах. Реальность – это категория, которая применяется не только в философии, но и в других науках. Но в отличие от философов представители других сфер знания имеют дело именно с тем аспектом реальности, который определяется предметом их изучения. И только философия пытается вывести дифиницию реальности как всеобщей категории, которая будет служить методологической основой для раскрытия содержания различных видов реальности.

Список литературы

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. – М.: Медиум, 1995.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. Добронравова и Д. Лахути; под общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. – М.: Наука, 1958 (2009).
3. Ермакова А.В. Марксистский подход к исследованию социальной реальности // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2013. – С. 56–59.
4. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. Собр. соч. Т. 18. – М.: Издательство политической литературы, 1968.
5. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильин, Л.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1981.
6. Фихте И.Г. Соч. в 2-х т.: Т. 2. – СПб.: Мифрил, 1993. Терентьев И.А. Проблема социальной реальности в истории социально-философской мысли // Теория и практика общественного развития. – 2007. – №1. – С. 37–39.